

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.

Е.В. НИКУЛЬШИНА
(Волгоград)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ 1820 – 1880-х гг. КАК МЕТАТЕКСТОВОМ ЯВЛЕНИИ

На примере романов К.П. Масальского, Р.М. Зотова, Е.П. Карновича и Д.Л. Мордовцева о правлении царицы Софьи рассматривается историческая беллетристика XIX в. как совокупность вполне самостоятельных текстов, обладающих метатекстовыми характеристиками: литературоцентричностью, текстоцентричностью, вторичностью и коммуникативностью. Доказывается актуальность и перспективность подобного подхода к изучению исторической романистики.

Ключевые слова: историческая беллетристика, метатекст, метатекстовое явление, интертекстуальность.

В современном литературоведении понятие метатекста, как и явление метатекстуальности, интерпретируется по-разному: встречаются и излишне расширительные трактовки, и узкоспециальные. Чаще всего под метатекстом понимается совокупность текстов писателя, рассматриваемых как некая целостность. Приведем пример подобного рода: «... Индивидуальная система определённого писателя, все созданные им художественные произведения могут рассматриваться как некий мета- или архитекст, теоретически вероятная текстовая форма, выводимая путём сопоставления реально существующих текстов с единственной содержательной основой – авторской концепцией действительности» [1, с. 21]. Или другое определение: «Всё созданное Уайльдом, начиная от стихов и заканчивая комедиями, может читаться как единый метатекст, главным объектом которого становится наследие романтизма» [9, с. 15]. Кроме творчества отдельных писателей, под метатекстом может пониматься целое литературное направление. Н. А. Смирнова, например, исследует «романтический метатекст как средоточие романтического дискурса», рассматривая

«“единый”, “суммарный” метатекст романтизма в его соотнесённости с индивидуально-субъективным, многовариантным текстом того или иного романтика» [9, с. 15].

Проанализировав существующие концепции метатекстуальности, мы считаем возможным рассмотреть историческую беллетристику XIX в. как совокупности вполне самостоятельных текстов, обладающей метатекстовыми характеристиками. К последним относятся литературоцентричность, текстоцентричность, вторичность, коммуникативность. Текстоцентричность метатекста характеризуется его способностью к расширению контекста. Писатель словно помещает повествуемые события в реально-исторический контекст, добавляя информацию, которая «не поместилась» в претекст. Литературоцентричность метатекста проявляется в том, что создание «литературной продукции, отграниченной по определённым (поддающимся изучению и научному описанию) параметрам от так называемой классики, т. е. области художественных шедевров» [4], невозможно без ориентировки на другие произведения (поэтому в метатексте, как правило, обнаруживается множество интертекстуальных связей), без учёта литературного и культурного окружения.

И ещё. Поскольку важным свойством литературных произведений авторов «второго ряда» являются тиражирование повествовательных конструкций, варьирующих нормативные для исторической романистики художественные схемы, и тяготение к шаблонным приёмам повествования и стереотипным сюжетным ходам, можно утверждать, что метатекст исторической беллетристики XIX в. сформирован инвариантом начальной темы, которая подвергается определённым деривационным процессам. В качестве примера рассмотрим исторические романы, посвященные периоду российской истории, начавшемуся вступлением на престол Петра Великого и закончившемуся заключением в монастырь царицы Софьи (1682 – 1689 гг.). Это «Стрельцы» К. П. Масальского (1832), «Гаминственный монах» (1836) Р. М. Зотова, «На высоте и на доле» (1879) Е. П. Карновича и «Царь Пётр и правительница Софья» (1880) Д. Л. Мордовцева.

Из истории известно, что 15–17 мая 1682 г. стрельцы, подстрекаемые Мирославскими, соперниками Нарышкиных, учинили в Кремле кровавое побоище. В результате бунта 26 мая было провозглашено правление обоих малолетних царей – Иоанна и Петра. 29 мая правительницей была объявлена их старшая сестра Софья. Активизировались представители раскола, которым покровительствовал новый начальник стрелецкого войска князь Хованский. В Грановитой палате прошли прения между раскольниками и руководителями духовенства. Каждая сторона утверждала свою победу. По приказу Софьи был казнён один из руководителей раскола – Никита Пустосвят. Отношения Хованского с Софьей обострились, и Хованский с сыном князя убиты по приказу царевны. Новый начальник стрельцов Шакловитый поднял ещё один мятеж, который закончился поражением, Софья была отстранена от правления государством.

Описанные события и представляют собой инвариант сюжета художественного исторического повествования данной тематической группы, который по желанию того или другого автора дополнялся вариативными эпизодами. Наиболее частотными из них являются описание убийства князя Михаила Юрьевича Долгорукова и расправа над его отцом, не сумевшим «простить» стрельцов; смерть Мирославского и месть Петра уже усопшему князю; сообщение о заключении Софьи в монастырь. Простое перечисление эпизодов позволяет увидеть их основную задачу: показать неправомерность действий стрельцов и неотвратимость возмездия.

В романах 1830-х гг. («Стрельцы», «Таинственный монах») в соответствии с традицией инвариант дополняется вымышленными событиями – в теоретическом плане данный тип сюжетосложения активно пропагандировался журналом «Телескоп». В это время наиболее распространённой была такая система повествования, в которой организующим началом выступали вымышленные герои (часто – любовная интрига), а исторические герои и события оказывались на втором плане. К. П. Масальский не сумел справиться с задуманным сюжетом и слить воедино частную жизнь вымышленного героя с движением истории. Только в финале «Стрельцов» обе линии на короткое время соединяются: Василий Бурмистров выполняет поручение Петра, царь устраивает его женитьбу.

Р.М. Зотов выполняет данную задачу более успешно, но нагромождает в романе такое количество невероятных ситуаций, что наруша-

ет все границы исторического правдоподобия. А. Скабичевский, иронизируя по поводу нарушения исторической правды у русских романистов, предложил свой сюжет совершенно невозможного русского романа: князь Пожарский влюбился в дочь Минина и прижил с ней ребёнка, который оказался Степаном Разиным [8, с. 638]. Нечто подобное, почти невозможное и совершил Зотов в «Таинственном монахе», сделав дочь Мазепы женой одновременно князя Хованского и Дорошенко, матерью вершителя государственных судеб подкидыша Григория и приемной матерью другого подкидыша – Александра Меншикова. К таким же невероятным ситуациям относится и нелепая до комизма сцена, когда трое крупнейших вельмож государства один за другим требуют у царевны Софьи её руки, чтобы управлять вместе с нею (и вместо неё) государством.

В романах Е. П. Корновича и Д. Л. Мордовцева представлен несколько иной принцип сюжетосложения: повествование строится не на развитии любовной интриги, а на столкновении исторической личности с окружающими обстоятельствами. Исторические персонажи, выдвинутые на первый план, оказываются выразителями авторского понимания противоречий и закономерностей эпохи. Главная причина обращения авторов к данной системе сюжетосложения определялась желанием осветить в «прямой» форме политические аспекты исторического развития.

В чём же заключается текстоцентричность метатекста романов этой тематической группы? Сочинители, избравшие петровскую тему, подключались к созданию государственного мифа, в основе которого лежало представление о Петре I как об отце Отечества, передавшем полномочия на дальнейшее преобразование страны Николаю I, который ровно через столетие занял русский престол. Борьба вокруг проблемы престолонаследия в годы, предшествовавшие установлению единодержавия Петра I, послужила поводом для политических аллюзий – прозрачной параллели между стрелецким бунтом и выступлением декабристов. Идеологические мотивы петровского предания как нельзя лучше соответствовали государственным интересам и пропагандировали верноподданническую идею службы государю как высшей добродетели. Это доказывает, что интерес к исторической теме проявляется не только как особая психологическая потребность автора, определяющаяся лишь существующей системой ценностей в сознании личности и социальных групп, но и как феномен, порождаемый самой историей, зави-

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.**

симый от объективных законов развития и потребностей общества.

Однако петровская тема избиралась не только для политических аллюзий. Масальский, например, безусловно осознававший сходство между стрелецкими бунтами и восстанием декабристов, трактовал его скорее как уроки истории, вовремя не извлечённые участниками восстания 1825 г. В предисловии к «Стрельцам» автор отмечал: «Нравственная цель сего романа состоит в том, чтобы представить в верной картине ужасы мятежей и безначалия, вредные последствия насильственных переворотов в государстве, правосудие Провидения, не оставляющего без наказания виновников возмущений, и достойные подражания примеры преданности престолу и Отечеству» [6]. Эпоха же правления Софьи, «начало славных дел» Петра предстают в романе Масальского не столько как повод для аналогий, сколько сами по себе заслуживающие пристального внимания и тщательного осмысления.

В работе над романом «Стрельцы» писатель опирается на обширный исторический материал: свидетельства летописей, записки современников, в том числе иностранцев, многотомные «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова и мн. др. Он обильно цитирует эти материалы в тексте романа и в качестве субтекста приводит в конце произведения список исторических источников. В частности, в примечании к роману К.П. Масальский пишет о покушении на Петра: «...происшествие в Троицком монастыре разнообразно рассказано многими нашими и иностранными писателями. Штелин и Сегюр относят его к первому возмущению стрельцов, Галем ко второму, которое было после казни Хованских; то же сказано в некоторых учебных книгах. Но Пётр Великий и царица Наталья Кирилловна во время первого бунта, по свидетельству современных летописцев Медведева и Матвеева, находились в Москве. Во второй бунт весь царский дом из села Воздвиженского уехал в Троицкий монастырь. Но означенное происшествие и тогда не могло случиться. Из наших летописей видно, что стрельцы после казни Хованских произвели возмущение в Москве и приходили, правда, в монастырь, но для того только, чтобы просить помилования; потому что там собралось многочисленное войско для защиты царского дома. Посему всего вероятнее, что происшествие это случилось в 1689 году, при Шакловитом» (Там же, с. 314 – 315), и далее автор романа ссылается на Полное собрание законов Российской империи (Т. III, с. 36 и 63), которое подтверждает его правоту. Эта точка зрения принята и современной исторической наукой. Подобных замечаний много.

Таким образом, мы видим, что, используя в качестве претекста исторические документы, автор романа сталкивается с незавершённостью исторической интерпретации, «конфликтом» интерпретаций и вынужден конструировать смысл заново. Подобную функцию призваны выполнять в метатексте интертекстуальные связи. Сравнение однотипных эпизодов у разных авторов показало, что каждый исторический романист предлагает свою художественную интерпретацию данных событий, имеющую точки соприкосновения с другими интерпретациями и в чём-то отличающуюся от них. Всякий текст содержит в себе явные или скрытые цитаты, поскольку создается в сформированной до него текстовой среде. Отсюда вытекает, что все тексты находятся в полилогических отношениях: «...всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [5, с. 102]. Многочисленность интерпретантов указывает на «конфликт интерпретаций». Однако уже разграничение художественного и научно-исторического уровней делают его неизбежным в онтологическом смысле.

Если интертекстуальность в первую очередь предполагает диалог с чужими текстами, то метатекст писатель может наслаивать на свой же претекст. В данном случае мы имеем дело с автоинтертекстуальностью – будут сопоставляться тексты только одного автора. Обычно среди них находится один, который выступает в роли метатекста (сопрягающего, разъясняющего текста), или автоинтертекста по отношению к остальным (как, например, в творчестве Р.М. Зотова сопрягаются тексты романа «Таинственный монах» и его «Военной истории Российского государства» или у Е.П. Корновича тексты романа «На высоте и на доле» и его работы «Замечательные богатства частных лиц в России» и т. д.). Эти тексты могут составить также «текстово-метатекстовую цепочку, взаимно интегрируя смысл друг друга и эксплицируя поверхностные семантические преобразования каждого из них...» [10, с. 91] (как, например, в творчестве Д. Л. Мордовцева, который осознавал, что его художественные тексты могут быть прочитаны как единое произведение). Его роман «Царь Петр и правительница Софья» связан с другими текстами писателя множеством нитей. Вводная глава, посвящённая самосожжению раскольников, отсылает к «Идеалистам и реалистам», описание набатного звона повторяется в очерке «Вечевой колокол», глава, в которой действует гетман Мазепа, призвана соединить роман с предшествующим «Царём и гетманом». Перечень можно продолжить, важен сам факт – романист мыслит своё произведение

как часть единого замысла и стремится это всячески подчеркнуть.

Аксиологическая составляющая позволяет поднять ещё одну проблему интерпретации – противоречивый характер оценки прошлого на художественном и научно-историческом уровнях (ср. оценки правления Фёдора Алексеевича и Софьи Алексеевны в исторических работах и романах). Если можно утверждать единство общечеловеческих ценностей на обоих уровнях, то проблематичным представляется единство оценок. Оценка исторических событий в художественном произведении во многом зависит от историософских взглядов автора, дается с позиций борьбы добра и зла; важнейшую роль при этом играет «здравый смысл» и воспитательная направленность романа, т. е. интерпретация прошлого – не только оценка событий минувшего в современном контексте, но и метод воздействия на общество. Понятно, что в петровском предании царица Софья не могла быть носителем положительных характеристик.

Созданию смысла, т. е. применению прошлого к современности и современности к прошлому, мешают предрассудки прошлого и настоящего. Преодолению способствует особая практика в рамках конструирования смысла – деструкция, т. е. разрушение сложившихся стереотипов мышления, уточнение авторского понимания исторического факта, введение в игру собственных предрассудков. Конструирование общего смысла оказывается возможным только в условиях привнесения смысла заново, имеющийся смысл достраивается новыми, что возможно только в условиях метатекста.

Таким образом, изучение исторической беллетристики XIX в. в аспекте метатекстуальности представляется актуальным и перспективным как в историко-литературном, так и в теоретико-методологическом плане.

Литература

1. Гончарова Е.А. К вопросу об изучении категории «автор» через проблемы интертекстуальности // Интертекстуальные связи в художественном тексте : межвуз. сб. науч. тр. СПб., 1993. С. 20 – 28.
2. Зотов Р.М. Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I: Исторический роман // Собр. соч. : в 5 т. М., 1996. Т. 1. С. 13 – 311.
3. Карнович Е.П. На высоте и на доле. Роман // Собр. соч. : в 4 т. М., 1995. Т. 1. С. 14 – 224.
4. Кривонос В. Ш. Беллетристика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М. : Изд-во Кулагиной, 2008. С. 30 – 31.

5. Кристева Ю. Бахтин, слова, диалог, роман // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1995. № 1. С. 94 – 124.

6. Масальский К.П. Стрельцы. Исторический роман. М., 1994. 512 с.

7. Мордовцев Д.Л. Царь и гетман : романы. М., 1994. 572 с.

8. Скабичевский А. Наш исторический роман в его прошлом и настоящем // Скабичевский А. Сочинения : в 2 т. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 561 – 702.

9. Смирнова Н. А. Эволюция метатекста английского романтизма: Байрон, Уальд, Гарди, Фаулз : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 46 с.

10. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000. 280 с.

To the question of historical fiction of 1820 – 1980 as a metatext phenomenon

By the example of the novels by K.P.Massalsky, P.M.Zotov, E.P.Karnovich and D.L.Mordovtsev about the reign of Tsarevna Sophia there is considered the fiction of XIX century as a whole range of self-sufficient texts with metatext characteristics: literature centrism, text centrism, secondary data and communicativeness. There is proved the urgency and perspectives of such an approach to historical Romance studies.

Key words: *historical fiction, metatext, metatext phenomenon, inter-textuality.*

С.А. ДУБРОВСКАЯ
(Саранск)

«СМЕХОВОЕ СЛОВО» В ПАРОДИЧЕСКИХ БАЛЛАДАХ М.А. ДМИТРИЕВА

Рассмотрены особенности функционирования «смехового слова» (М. Бахтин) в пародических балладах М. Дмитриева. Показано, что «смеховое слово», продуцируя особую смеховую энергию, открывает возможности для карнавализованного диалога писателей двух эпох.

Ключевые слова: *«смеховое слово», карнавальный смех, пародия, сатира, диалог.*

Идея «смехового слова» как особого явления литературного сознания европейского средневековья и Возрождения формулируется